

Издание Вятскаго Губернскаго Земства.

МЦЫРИ.

ПОЭМА

М. Ю. Лермонтова.

Издание 2-е.

Изданіе 2-е

Печат. безъ измѣненій съ полн. собр. сочин. М. Ю. Лермонтова,
допущен. въ народн. библіотеки-читальни (катал. 1900 г., стр. 118)
и въ библіотеки народныхъ училищъ (катал. 1889 г. стр. 49 и 92).

№ 8.

Цѣна 3 коп.

ВЯТКА.

СКОРОПЕЧАТНАЯ ТИПОГРАФИЯ

Н. А. Сгородникова и К^о.

1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 15 сентября 1900 г.

МЦЫРИ.

*Вкушая, вкусихъ мало меда,
и се азъ умираю.†*

Г Книга Царствъ.

I.

Немного лѣтъ тому назадъ,
Тамъ, гдѣ сливаясь шумять,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видить пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ
И башни, и церковный сводъ;
Но не вурится ужъ подъ нимъ
Кадильницъ благовонный дымъ,
Не слышно пѣнья въ поздній часъ
Молящихъ иноковъ за насъ.
Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забытъ,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надписи говорить
О славѣ прошлой—и о томъ,

Какъ удрученъ своимъ вѣнцомъ,
 Такой-то царь, въ такой-то годъ,
 Вручилъ Россіи свой народъ.
 И Божья благодать сошла
 На Грузію!—Она цвѣла
 Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ,
 Не опасаяся враговъ,
 За гранью дружескихъ штыковъ.

II.

Однажды русскій генераль
 Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;
 Ребенка плѣннаго онъ везъ.
 Тотъ занемогъ, не перенесъ
 Трудовъ далекаго пути.
 Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
 Какъ серна горъ, пугливъ и дикъ,
 И слабъ, и гибокъ, какъ тростникъ;
 Но въ немъ мучительный недугъ
 Развилъ тогда могучій духъ
 Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
 Томился, даже слабый стонъ
 Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ.
 Онъ знакомъ пищу отвергалъ,
 И тихо, гордо умиралъ.
 Изъ жалости одинъ монахъ
 Больного призрѣлъ, и въ стѣнахъ

Хранительныхъ остался онъ,
Искусствомъ дружескимъ спасенъ.
Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
Томимъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
Сталъ понимать чужой языкъ,
Былъ окрещенъ святымъ отцомъ
И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,
Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ
Изречь монашескій обѣтъ,
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.
Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ,
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Болѣзнь иль голодъ испыталъ.
Онъ на допросъ не отвѣчалъ
И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ.
И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда пришелъ къ нему чернецъ
Съ увѣщеваньемъ и мольбой;

И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
И долго такъ онъ говорилъ:

III.

„Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь;
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Немного пользы вамъ узнать—
А душу можно ль рассказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если бъ могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну—но пламенную страсть:
Она какъ червь во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душевныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной

Вскормилъ слезами и тоской;
 Ее предъ небомъ и землей
 Я нынѣ громко признаю
 И о прощеньи не молю.

IV.

„Старикъ, я слышалъ много разъ,
 Что ты меня отъ смерти спасъ—
 Зачѣмъ?... Угрюмъ и одинокъ,
 Грозой оторванный листокъ,
 Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
 Душой дитя, судьбой монахъ.
 Я никому не могъ сказать
 Священныхъ словъ „отецъ“ и „мать“.
 Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
 Чтобъ я въ обители отвыкъ
 Отъ этихъ сладостныхъ именъ—
 Напрасно: звукъ ихъ былъ рождень
 Со мной. Я видѣлъ у другихъ
 Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
 А у себя не находилъ
 Не только милыхъ душъ—могилъ!
 Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
 Въ душѣ я клятву произнесъ:
 Хотя на мигъ когда-нибудь
 Мою пылающую грудь
 Прижать съ тоской къ груди другой,

Хоть незнакомой, но родной.
 Увы! теперь мечтанья тѣ
 Погибли въ полной красотѣ.
 И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
 Умру рабомъ и сиротой.

V.

„Меня могила не страшить:
 Тамъ, говорятъ, страданье спить.
 Въ холодной вѣчной тишинѣ.
 Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
 Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты
 Разгульной юности мечты?
 Или не зналъ, или забылъ,
 Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
 Какъ сердце билось живѣй
 При видѣ солнца и полей
 Съ высокой башни угловой,
 Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
 Въ глубокой скважинѣ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,
 Прижавшись, голубъ молодой
 Сидить, испуганный грозой?
 Пускай теперь прекрасный свѣтъ
 Тебѣ постылъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
 И отъ желаній ты отвыкъ.
 Что за нужда? Ты жилъ старикъ!

Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ—я также могъ бы жить!

VI.

„Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ?—Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятъя каменные ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года—
Имъ не сойтися никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курились, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ—

Какъ будто бѣлый караванъ
 Залетныхъ птицъ изъ разныхъ странъ!
 Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
 Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
 Сѣдой, незыблемый Кавказъ—
 И было сердцу моему
 Легко, не знаю почему.
 Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
 Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
 И стало въ памяти моей
 Прошедшее яснѣй, яснѣй...

VII.

„И вспомнилъ я отцовскій домъ,
 Ущелье наше, и кругомъ
 Въ тѣни разсыпанный аулъ;
 Мнѣ слышался вечерній гулъ
 Домой бѣгущихъ табуновъ
 И дальній лай знакомыхъ псовъ.
 Я вспомнилъ смуглыхъ стариковъ,
 При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
 Противъ отцовскаго крыльца
 Сидѣвшихъ съ важностью лица;
 И блескъ отравленныхъ ножонъ
 Кинжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ.
 Все это смутной чередой
 Вдругъ пробѣжало предо мной.

А мой отецъ? Онъ какъ живой
 Въ своей одеждѣ боевой
 Являлся мнѣ, и вспомнилъ я
 Кольчуги звонъ, и блескъ ружья.
 И гордый, непреклонный взоръ;
 И молодыхъ моихъ сестеръ...
 Лучи ихъ сладостныхъ очей,
 И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
 Надъ колыбелю моею...
 Въ ущельи томъ бѣжалъ потокъ,
 Онъ шуменъ былъ, но неглубокъ;
 Къ нему, на золотой песокъ,
 Играть я въ полдень уходилъ
 И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
 Когда онѣ передъ дождемъ
 Волны касались крыломъ.
 И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
 И предъ вечернимъ очагомъ
 Разказы долгіе о томъ,
 Какъ жили люди прежнихъ дней,
 Когда былъ міръ еще пышнѣй.

VIII.

„Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
 На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
 Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
 Была бъ печальнѣй и мрачнѣй

Безсильной старости твоей.
 Давнымъ-давно задумалъ я
 Взглянуть на дальнія поля;
 Узнать, прекрасна ли земля;
 Узнать для воли или тюрьмы
 На этотъ свѣтъ родимся мы—
 И въ часъ ночной, ужасный часъ,
 Когда гроза пугала васъ,
 Когда столпясь при алтарѣ,
 Вы ницъ лежали на землѣ,
 Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
 Обняться съ бурей былъ бы радъ!
 Глазами тучи я слѣдилъ,
 Рукою молнію ловилъ...
 Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
 Могли бы дать вы мнѣ взаменъ
 Той дружбы краткой, но живой,
 Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

IX.

„Бѣжалъ я долго—гдѣ? куда?
 Не знаю! Ни одна звѣзда
 Не озаряла трудный путь.
 Мнѣ было весело вдохнуть
 Въ мою измученную грудь
 Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ—
 И только. Много я часовъ

Бѣжалъ и, наконецъ, уставъ,
 Прилежъ между высокихъ травъ;
 Прислушался: погони нѣтъ.
 Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
 Тянулся длинной полосой
 Межъ темнымъ небомъ и землей,
 И различалъ я, какъ узоръ,
 На ней зубцы далекихъ горъ.
 Недвижимъ, молча, я лежалъ.
 Порой въ ущелии шакаль
 Кричалъ и плакалъ, какъ дитя,
 И, гладкой чешуей блестя,
 Змѣя скользила межъ камней;
 Но страхъ не сжалъ души моей;
 Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
 И ползъ, и прятался, какъ змѣй.

X.

„Внизу глубоко подо мной
 Потокъ, усиленный грезой,
 Шумѣлъ и шумъ его глухой
 Сердитыхъ сотнѣ голосовъ
 Подобился. Хотя безъ словъ,
 Мнѣ внятень былъ тотъ разговоръ,
 Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
 Съ упрямой грудой камней.
 То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй

Онъ раздавался въ тишинѣ;
 И вотъ въ туманной вышинѣ
 Запѣли птички, и востокъ
 Озолотился; вѣтерокъ
 Сырые шевельнулъ листы;
 Дохнули сонные цвѣты,
 И какъ они, навстрѣчу дню
 Я поднялъ голову мою...
 Я осмотрѣлся; не таю:
 Мнѣ стало страшно; на краю
 Грозящей бездны я лежалъ,
 Гдѣ вилъ крутятся сердитый валъ;
 Туда вели ступени скалъ:
 Но лишь злой духъ по нимъ шагаль,
 Когда, низверженный съ небесъ,
 Въ подземной пропасти исчезъ.

XI.

„Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
 Растеній радужный нарядъ
 Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
 И кудри виноградныхъ лозъ
 Вились, красуясь межъ деревь
 Прозрачной зеленью листовъ;
 И грозды полные на нихъ,
 Серегъ подобье дорогихъ,
 Висѣли пышно, и порой

Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
 И снова я къ землѣ припалъ,
 И снова вслушиваться сталъ
 Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
 Они шептались по кустамъ,
 Какъ будто рѣчь свою вели
 О тайнахъ неба и земли;
 И всѣ природы голоса
 Сливались тутъ; не раздался
 Въ торжественный хваленья часъ
 Лишь человѣка гордый гласъ.
 Все, что я чувствовалъ тогда,
 Тѣ думы—имъ ужъ нѣтъ слѣда—
 Но я бѣ желалъ ихъ рассказать,
 Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
 Въ то утро былъ небесный сводъ
 Такъ чистъ, что ангела полетъ
 Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
 Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
 Такъ полонъ ровной синевой!
 Я въ немъ глазами и душой
 Тонулъ, пока полдневный зной
 Мои мечты не разогналъ,
 И жаждой я томиться сталъ.

XII.

„Тогда къ потоку съ высоты,

Держась за гибкіе кусты,
 Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
 Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
 Сорвавшись, камень иногда
 Катился внизъ—за нимъ бразда
 Дымилась, прахъ вился столбомъ;
 Гудя и прыгая, потомъ
 Онъ поглощаемъ былъ волной;
 И я висѣлъ надъ глубиной—
 Но юность вольная сильна,
 И смерть казалась не страшна!
 Лишь только я съ крутыхъ высотъ
 Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
 Повѣяла на встрѣчу мнѣ,
 И жадно я припалъ къ волнѣ.
 Вдругъ голосъ—легкій шумъ шаговъ...
 Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
 Невольнымъ трепетомъ объять,
 Я поднялъ боязливый взглядъ
 И жадно вслушиваться сталъ:
 И ближе, ближе все звучалъ
 Грузинки голосъ молодой,
 Такъ безыскусственно живой,
 Такъ сладко вольный, будто онъ
 Лишь звуки дружескихъ именъ
 Произносить былъ приученъ,
 Простая пѣсня то была,
 Но въ мысль она мнѣ залегла,
 И мнѣ, лишь сумракъ настаеъ,

Незримый духъ ее поетъ.

XIII.

„Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу. Порой
Она скользила межъ камней,
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ;
И шла она легко, назадъ
Изгибы длинные чадры
Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрыли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея; и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ.
И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
Такъ полонъ тайнами любви,
Что думы пылкія мои
Смутились. Помню только
Кувшина звонъ—когда струя
Вливалась медленно въ него—
И шорохъ... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила отъ сердца кровь,
Она была ужъ далеко;
И шла хоть тише—но легко.
Стройна подъ ношею своей,

Какъ тополь, царь ея полей...
 Недалеко въ прохладной мглѣ,
 Казалось, приросли къ скалѣ
 Двѣ сакли дружною четой;
 Надъ плоской кровлею одной
 Дымокъ струился голубой.
 Я вижу будто бы теперь,
 Какъ отперлась тихонько дверь
 И затворилась опять...
 —Тебѣ, я знаю не понять
 Мою тоску, мою печаль;
 И если бъ могъ—мнѣ было бъ жаль:
 Воспоминанья тѣхъ минутъ
 Во мнѣ, со мной пускай умрутъ.

XIV.

„Трудами ночи изнурень,
 Я легъ въ тѣни. Отрадный сонъ
 Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
 И снова видѣлъ я во снѣ
 Грузинки образъ молодой.
 И странной, сладкою тоской
 Опять моя заняла грудь.
 Я долго сидѣлъ вздохнуть—
 И пробудился. Ужъ луна
 Вверху сіяла, и одна
 Лишь тучка кралася за ней,

Какъ за добычею своею,
 Объятыя жадныя раскрывъ.
 Міръ темень былъ и молчаливъ.
 Лишь серебристой бахромой
 Вершины цѣпи снѣговой
 Вдали сверкали предо мной,
 Да въ берега плескалъ потокъ.
 Въ знакомой саклѣ огонекъ
 То трепеталъ, то снова гасъ:
 На небесахъ въ полночный часъ
 Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
 Хотѣлось мнѣ... но я туда
 Взойти не смѣлъ. Я цѣль одну,
 Пройти въ родимую страну,
 Имѣлъ въ душѣ—и превозмогъ
 Страданья голода, какъ могъ.
 И вотъ дорогою прямой
 Пустился, робкій и нѣмой;
 Но скоро въ глубинѣ лѣсной
 Изъ виду горы потерялъ
 И тутъ съ пути сбиваться сталъ.

XV.

„Напрасно въ бѣшенствѣ порой
 Я рвалъ отчаянной рукой
 Терновникъ, спутанный плющемъ:
 Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,

Страшнѣй и гуще каждый часъ,
 И милліономъ черныхъ глазъ
 Смотрѣла ночи темнота
 Сквозь вѣтви каждаго куста...
 Моя кружилась голова.
 Я сталъ влѣзать на дерева;
 Но даже на краю небесъ
 Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
 Тогда на землю я упалъ
 И въ изступленіи рыдалъ,
 И грызъ сырую грудь земли,
 И слезы, слезы потекли
 Въ нее горячею росой...
 Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
 Я не желалъ... Я былъ чужой
 Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
 И если бъ хоть минутный крикъ
 Мнѣ измѣнилъ—клянусь, старикъ,
 Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

XVI.

„Ты помнишь, въ дѣтскіе года
 Слезы не зналъ я никогда;
 Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
 Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
 Да мѣсяцъ, плившій средь небесъ!
 Озарена его лучемъ,

Покрыта мохомъ и пескомъ,
 Непроницаемой стѣной
 Окружена, передо мной
 Была поляна. Вдругъ по ней
 Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
 Промчались искры... и потомъ
 Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
 Изъ чащи выскочилъ и легъ,
 Играя, навзничъ на песокъ.
 То былъ пустыни вѣчный гость—
 Могучій барсъ. Сырую кость
 Онъ грызъ и весело визжалъ;
 То взоръ кровавый устремлялъ,
 Мотая ласково хвостомъ,
 На полный мѣсяцъ и на немъ
 Шерсть отливалась серебромъ.
 Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
 Минуту битвы; сердце вдругъ
 Зажглося жаждою борьбы
 И крови... да, рука судьбы
 Меня вела инымъ путемъ...
 Но нынче я увѣренъ въ томъ,
 Что быть бы могъ въ краю отцовъ
 Не изъ послѣднихъ удалцовъ.

XVII.

„Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной

Врага почуялъ онъ, и вой
 Протяжный, жалобный какъ стонъ
 Раздался вдругъ... и началъ онъ
 Серdito лапой рыть песокъ,
 Всталъ на дыбы, потомъ прилежъ,
 И первый бѣшенный скачекъ
 Мнѣ страшной смертію грозилъ...
 Но я его предупредилъ,
 Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
 Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
 Широкий лобъ его разсѣкъ...
 Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
 И опрокинулся. Но вновь—
 Хотя лила изъ раны кровь
 Густой, широкою волной—
 Бой закипѣлъ, смертельный бой!

XVIII.

„Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
 Но въ горло я успѣлъ воткнуть
 И тамъ два раза повернуть
 Мое оружье... Онъ завылъ,
 Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
 И мы, сплетясь какъ пара змѣй,
 Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
 Упали разомъ, и во мглѣ
 Бой продолжался на землѣ.

И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
 Какъ барсъ пустынный, золь и дикъ,
 Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
 Какъ будто самъ я былъ рожденъ
 Въ семействѣ барсовъ и волковъ
 Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ,
 Казалось, что слова людей
 Забылъ я—и въ груди моей
 Родился тотъ ужасный крикъ,
 Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
 Къ иному звуку не привыкъ...
 Но врагъ мой сталъ изнемогать,
 Метаться, медленнѣй дышать,
 Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
 Зрачки его недвижныхъ глазъ
 Блеснули грозно—и потомъ
 Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
 Но съ торжествующимъ врагомъ
 Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
 Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!..

XIX.

„Ты видишь на груди моей
 Слѣды глубокіе когтей;
 Еще они не заросли
 И не закрылись; но земли
 Сырой покровъ ихъ освѣжитъ

И смерть навѣки заживить.
 О нихъ тогда я позабылъ,
 И, вновь собравъ остатокъ силъ,
 Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
 Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
 Она смѣялась надо мной!

XX.

„Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
 Проснулся день, и хороводъ
 Свѣтилъ напутственныхъ исчезъ
 Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
 Заговорилъ. Вдали аулъ
 Курится началъ. Смутный гулъ
 Въ долину съ вѣтромъ пробѣжалъ...
 Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
 Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ,
 И кинулъ взоры я кругомъ:
 Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
 И страшно было мнѣ—понять
 Не могъ я долго, что опять
 Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
 Что бесполезно столько дней
 Я тайный замыселъ ласкалъ,
 Терпѣлъ, томился и страдалъ,
 И все зачѣмъ?—Чтобъ въ двѣтъ лѣтъ,
 Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,

При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство вольности познавъ,
Унести въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вашей жалости позоръ!..
Еще въ сомнѣніе погружень,
Я думалъ—это страшный сонъ...
Вдругъ дальній колокола звонъ
Раздался снова въ тишинѣ—
И тутъ все ясно стало мнѣ...
О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ бѣшеныхъ коней,
Про битвы чудныя межъ скалъ,
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ!..
И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца—будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И смутно понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда.

XXI.

„Да, заслужилъ я жребій мой!
Могучій конь, въ степи чужой
Плохого сбросивъ сѣдока,
На родину издалека
Найдетъ прямой и краткій путь...
Что я предъ нимъ?—Напрасно грудь
Полна желаньемъ и тоской:
То жаръ безсильный и пустой,
Игра мечты, болѣзнь ума.
На мнѣ печать свою тюрьма
Оставила... Таковъ цвѣтокъ
Темничный: выросъ одинокъ
И блѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ;
И долго листьевъ молодыхъ
Не распускалъ, все ждалъ лучей
Живительныхъ. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цвѣтка,
И былъ онъ въ садъ перенесенъ,
Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
Дышала сладость бытія...
Но что жъ? Едва взошла заря,
Палящій лучъ ея обжогъ
Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...

XXII.

„И, какъ его, палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листь ея вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался—и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Сверкая быстро въ вышинѣ,
Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
Струился паръ. Міръ Божій спалъ
Въ оцѣпенѣніи глухомъ,
Отчаянья тяжелымъ сномъ.
Хотя бы крикнулъ коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячій лепетъ... Лишь змѣя,
Сухимъ бурьяномъ шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Какъ-будто надписью златой
Покрытый до низу клинокъ,
Браздя разсыпчатый песокъ,
Скользила бережно; потомъ,
Играя нѣжася на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ;
То, будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгала она

И въ дальнихъ пряталась кустахъ...

XXIII.

„И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкалъ зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвивъ каймой изъ серебра
Подшвы свѣжихъ острововъ,
По корнямъ шепчущихъ кустовъ
Бѣжали дружно и легко...
До нихъ мнѣ было далеко!
Хотѣлъ я встать—передо мной
Все закружилось съ быстротой;
Хотѣлъ кричать—языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ...
Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ. Казалось мнѣ,
Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки—и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,
Журча, вливалась мнѣ въ грудь...

И я боялся лишь заснуть—
 Такъ было сладко, любо мнѣ...
 А надо мною въ вышинѣ
 Волна тѣснилася къ волнѣ
 И солнце сквозь хрусталь волны
 Сіяло сладостнѣй луны...
 И рыбокъ пестрыхъ стада
 Въ лучахъ играли иногда.
 И помню я одну изъ нихъ:
 Она привѣтливѣй другихъ
 Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
 Была покрыта золотой
 Ея спина. Она вилась
 Надъ головой моею не разъ,
 И взоръ ея зеленыхъ глазъ
 Былъ грустно-нѣженъ и глубокъ...
 И надивиться я не могъ:
 Ея серебристый голосокъ
 Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
 И пѣлъ, и снова замолкалъ.
 Онъ говорилъ: „Дитя мое,
 Останься здѣсь со мной:
 Въ водѣ привольное житье
 И холодъ, и покой.
 „Я созову моихъ сестеръ:
 Мы пляской круговой
 Развеселимъ туманный взоръ
 И духъ усталый твой.
 „Усни! постель твоя мягка,

Прозраченъ твой покровъ,
 Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
 Подъ говоръ чудныхъ сновъ.
 „О, милый мой! не утаю,
 Что я тебя люблю.
 Люблю, какъ вольную струю,
 Люблю, какъ жизнь мою...”

„И долго, долго слушалъ я,
 И мнилось, звучная струя
 Сливали тихій ропотъ свой
 Съ словами рыбки золотой.
 Тутъ я забылся. Вожій свѣтъ
 Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
 Безсилью тѣла уступилъ...”

XXIV.

„Такъ я найденъ и поднятъ былъ...
 Ты остальное знаешь самъ.
 Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
 Или не вѣрь, мнѣ все равно.
 Меня печалитъ лишь одно:
 Мой трупъ холодный и нѣмой
 Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
 И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
 Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ
 Вниманье скорбное ничье
 На имя темное мое.

XXV.

„Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
 Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
 Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней
 Таяся, жилъ въ груди моей:
 Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
 И онъ прожегъ свою тюрьму
 И возвратится вновь къ Тому,
 Кто всѣмъ законной чередой
 Даетъ страданье и покой.
 Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,
 Въ святомъ, заоблачномъ краю,
 Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
 Увы! за нѣсколько минутъ
 Между крутыми и темныхъ скалъ,
 Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
 Я бѣ рай и вѣчность промѣнялъ!..

XXVI.

„Когда я стану умирать,
 И, вѣрь, тебѣ не долго ждать—
 Ты перенести меня вели
 Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
 Акацій бѣлыхъ два куста...
 Трава межъ ними такъ густа,
 И свѣжій воздухъ такъ душистъ,

